

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/60/5

Ю. С. Серягина

Томский государственный университет

**Сибирская дореволюционная периодика
как пространство культурного трансфера:
переводы с немецкого стихотворений М. Ю. Лермонтова
и восприятие наследия Ф. Боденштедта***

Всплеск в культурном развитии Сибирского региона на рубеже XIX–XX вв., связанный с деятельностью Первого Сибирского Томского Императорского университета, с усилением процессов модернизации, активностью интеллигенции, подъемом ее самосознания, проявился среди прочего и в появлении на страницах периодических изданий обилия авторских художественных переводов с немецкого, английского, французского и других языков. Представлен литературоведческий и сравнительный анализ созданных в европейской и российской (сибирской и столичной) культурной среде нескольких стихотворений русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, подлинные тексты которых известны только по немецким переводам благодаря поэту и популяризатору русской литературы в Германии Фридриху Боденштедту (1819–1892). Настоящая работа представляет также и результаты изучения стратегий восприятия авторами томской периодики конца XIX – начала XX в. оригинального наследия Ф. Боденштедта.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, Ф. Боденштедт, сибирская дореволюционная периодика, перевод, рецепция.

Сибирская дореволюционная периодика является уникальным материалом, поскольку она, наряду с изданиями центрального региона, выступает активным субъектом межкультурной коммуникации конца XIX – начала XX в. Новейшая история осмысления этого материала представлена в трех хрестоматиях, в которых впервые опубликованы и комплексно осмыслены оригинальные переводы сибирских авторов, выполненные специально для региональной периодики и на-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МД-4756.2016.6), а также РФФИ и Администрации Томской области (проект № 17-14-70006).

Серягина Юлия Сергеевна – аспирантка кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; seriagina@gmail.com)

печатанные на страницах томских газет 1880–1910 гг., а также информация о критике, подражаниях и перепечатках произведений зарубежных писателей и поэтов [Лермонтовская энциклопедия, 1981; Переводы английской и американской литературы..., 2016; Переводы французской литературы..., 2016]. Данный комплекс литературно-художественных текстов «уникален с точки зрения историко-культурной значимости, поскольку он системно раскрывает важнейшие черты культурного сознания региона сквозь призму имагологической парадигмы, то есть посредством понимания процесса формирования представлений о “своем” (национальном, региональном) и “чужом” (инонациональной словесной культуре). Эти воззрения декодируются в характерных сюжетах, мотивах, образах и жанре сочинений, выбранных авторами сибирских газет» [Переводы немецкой литературы..., 2016, с. 5].

Материалом для данной статьи послужили обнаруженные в сибирских газетах публикации, представляющие русскую литературу сквозь призму зарубежной, а именно поэзию М. Ю. Лермонтова, существующую только в немецких переводах поэта и переводчика Фридриха Боденштедта (1819–1892), опубликованных впервые в двухтомном издании «Поэтическое наследие Лермонтова», вышедшем в Берлине в 1852 г. [Lermontoff's Nachlass, 1852]. На сегодняшний день немецкоязычные переводы Боденштедта из Лермонтова признаны неотъемлемой частью наследия русского классика и входят в новейшее полное собрание сочинений поэта [Лермонтов, 2000].

На страницах местной печати в 1896 г. появляются два перевода видного сибирского автора Ивана Северного, переложившего стихи Лермонтова/Боденштедта на русский язык и представившего их читателю. Внимание к наследию Боденштедта на этом не исчерпывается, его продолжает эссе Петра Львовича Черневича, использующего немецкие переводы Боденштедта из азербайджанского поэта Мирзы Шафи, а также псевдопереводы поэзии Боденштедта, выполненные известным сибирским общественным деятелем, писателем и поэтом Георгием Андреевичем Вяткиным (1885–1938).

Целью настоящей публикации является введение этого материала в научный оборот: выявление рецептивных стратегий местных авторов и траектории восприятия ими творческого наследия М. Ю. Лермонтова и Ф. Боденштедта.

Фридрих Боденштедт (Friedrich Martin von Bodenstedt) был известен как образцовый переводчик на немецкий язык произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, а также персидских и английских поэтов [Щеголев, 2016, с. 264]. Отдельными изданиями выходили его переводы с английского сонетов Шекспира [Bodenstedt, 1862] и произведений современников английского гения [Bodenstedt, 1860]. К его наследию относится также сборник переводов украинских песен [Bodenstedt, 1845] и песен восточных народов [Bodenstedt, 1880] и др. В XXI в. наблюдается интерес к его страноведческим изысканиям: его исследование, посвященное Абхазии и Черкесии, вышло на русском языке в начале XXI в. [Боденштедт, 2002].

Ф. Боденштедта много связывало с Россией: с 1841 по 1843 г. он был домашним учителем в доме князя Голицына в Москве, лично знал А. И. Герцена и М. Ю. Лермонтова, состоял в переписке с Н. А. Некрасовым, Ф. И. Тютчевым, А. К. Толстым, И. С. Тургеневым, пропагандировал русскую литературу в Германии. Итогом этого проникновения в русские литературные круги стало двухтомное издание стихов М. Ю. Лермонтова на немецком языке [Lermontoff's Nachlass, 1852]. Позднее преподавание в гимназии в Тифлисе, где Боденштедт брал уроки восточных языков у азербайджанского поэта и педагога Мирзы Шафи Вазеха, получило свою реализацию в переводах с персидского: «Песни Мирзы Шафи» [Bodenstedt, 1873] принесли Боденштедту наибольшую известность благодаря передаче изысканного восточного колорита и мастерству языка. Примечательно,

что на русский язык Мирза Шафи часто переводился с немецкоязычных изданий [Боденштедт, 1903; 2002].

Ф. Боденштедт также был известен современникам как ученый и редактор. Что касается его оригинального литературного творчества, то оно в русской рецепции осталось недооцененным: в словаре Брокгауза и Ефрона отмечается лишь, что литературная деятельность Боденштедта была чрезвычайно разнообразна, авторы словаря также заключают: «драмы Боденштедта страдают недостатком движений, а потому не имеют того успеха, которого они заслуживают по изяществу выражения и мысли», а «между его эпическими произведениями заслуживают внимания» лишь «Лезгинка Ада» и мелкие «Эпические стихотворения» [Брокгауз и Ефрон, 1891, с. 212]. Между тем творческое наследие Боденштедта, не вошедшее в горизонт осмысления отечественных историков литературы, является куда более масштабным и многогранным, что отражается в публикациях сибирских журналов, справедливо воспринявших эту фигуру как самостоятельную, вне лермонтовского контекста.

Активно переводя на немецкий язык произведения иностранных авторов и наполняя таким образом концепт всемирной литературы И. В. Гете, Ф. Боденштедт ставит перед собой задачу познакомить читателей со словесной культурой других стран, наследием талантливых поэтов. В предисловии к немецкому изданию Лермонтова освещается развитие русской поэзии в целом:

Der fremde Dichter, welchen ich meinen Landsleuten hier in deutschem Gewande vorführe, glänzte als Mittelstern des schönen Dreigestirnes russischer Poesie, das mit Puschkin aufging und mit Kosloff erloscht [Lermontoff's Nachlass, 1852, S. 7].

Иностранный поэт, которого я здесь представляю соотечественникам в немецком одеянии, сиял звездой в центре созвездия русской поэзии, которое возшло вместе с Пушкиным и угасло с Козловым (здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, перевод немецких источников наш. – Ю. С.).

Произведения упомянутых здесь русских поэтов также выходят отдельными сборниками в переводах Боденштедта [Bodenstedt, 1854; 1866].

Боденштедт много писал о характерных чертах личности и творчества Лермонтова как национального поэта: его восхищали выраженная в произведениях «естественность и простота русского народа», способность наблюдать и сопереживать. По мысли немца, именно любовь к простому народу порождает у Лермонтова «живое взаимодействие» поэта и его читателей, выражается в простом слоге, «близости мотивов, ясности выражения, простоте образов» [Lermontoff's Nachlass, 1852, S. 11].

Издание Боденштедта примечательно тем, что в него вошли достаточно редкие материалы: основой послужил трехтомник произведений Лермонтова, вышедший в Петербурге в 1842 г., однако его дополнили и «еще нигде не опубликованные, имеющие высокую ценность рукописные источники» [Ibid., S. 314], полученные от самого Лермонтова или от общих друзей. Некоторые произведения были запрещены в России цензурой и публиковались впервые в полном объеме, например «одно из самых значимых творений поэта» «Демон» («Der Dämon»). Боденштедт также отмечал, что его перевод может быть не всегда точен, однако только оттого, что переводить приходилось с рукописей и почерк, исправления и пометки автора иногда затрудняли понимание [Ibid., S. 351].

Ученые разных эпох и стран интересовались творчеством Ф. Боденштедта, но в литературоведческих исследованиях он предстает скорее как транслятор иноязычных культур. Его переписка с писателями разных стран легла в основу исследования Г. Шенка [Schenk, 1893], многих ученых привлекало наследие Боденштедта-ориенталиста [Balke, 1965; Ammann, 1989; Bayram, 2008]. Русский

исследователь И. Б. Томан заинтересовался им, как переводчиком Тургенева [Томан, 1998].

Переводческий талант Ф. Боденштедта изначально увлек и сибирских авторов рубежа веков. Первое упоминание немецкого культуртрегера в сибирской периодике опосредованно и появляется в 1896 г. в № 4 томской ежедневной газеты «Сибирский вестник». В статье под названием «Тайны взгляда» рассматривается влияние цвета глаз на характер человека и другие мистические силы человеческого взгляда. Статья написана Петром Черневичем, подписавшимся криптонимом «П. Ч.». Автор ставит своей целью разоблачить суеверные суждения о свойствах цвета глаз и называет их «поэтической вольностью», которую используют поэты для придания окраске глаз некоего «психологического значения» [Черневич, 1896]. В качестве примера П. Черневич приводит стихотворение азербайджанского поэта и мыслителя Мирза-Шаффи (Мирзы Шафи Вазеха) в переводе Боденштедта, дословный перевод на русский язык приводится автором в скобках:

Поэтической вольностью можно назвать только то психологическое значение, которое придают некоторые поэты окраске глаз, и никто, конечно, не примет на веру хотя бы следующего определения Мирза-Шаффи (Боденштедта):

Ein grau's Auge
Ein schlaues Auge;
Auf schelmische Launen
Deuten die Braunen!
Des Auges Blaue
Bedeutet Treue:
Doch eines schwarzen Augen Gefunkel
Ist stets wie Gottes Wege dunkel.

(Серые глаза – коварные глаза; карие – своенравные; голубые – указывают верность, сверкание же черных глаз таинственно, как пути господни) [Там же].

Ф. Боденштедт играет роль посредника между сибирскими читателями и азербайджанским писателем, чьи стихотворения получили распространение во многом благодаря переводам немецкого поэта. Для сибиряков выбор такого материала означает, с одной стороны, интерес к локальному тексту, воображаемой географии Востока, с другой стороны, особую форму ориентализма, которая явно импонировала мировоззрению европейца Боденштедта и определяла его выбор для дальнейшего перевода и трансляции. Восточные мотивы неразлучно связаны с литературой эпохой романтизма [Алексеев, 2015, с. 7], романтический художественный метод же особенно импонировал настроенным в целом ретроспективно сибирским авторам, о чем свидетельствует активная переводческая рецепция поэзии романтизма: например, более 20 переводов сибирских авторов из Г. Гейне и Н. Ленау [Никонова, Серягина, 2015]. Подобное внимание к репрезентативным локусам воображаемой географии было определено навечно и собственными задачами областников по изобретению и оформлению культурного пространства Сибири, формированию собственной региональной идентичности в обход имперского центра.

Творчество Боденштедта послужило также материалом для собственной локальной интерпретации русской классической поэзии, на которую решился сибирский поэт Иван Северный. В рубрике «Фельетон “Сибирского вестника”» в номерах 71 и 76 за 1896 г. вышли два стихотворения М. Ю. Лермонтова «Моим врагам» и «На волю». Публикации были снабжены следующими примечаниями:

«Моим врагам» Из М. Ю. Лермонтова *

* Это перевод одного из стихотворений нашего великого поэта, имеющих только в немецком переводе Боденштедта [Северный, 1896а].

«На волю!» Из М. Ю. Лермонтова*

* В № 71 «Сиб. Вестника» мы поместили перевод одного из стихотворений («Моим врагам») нашего великого поэта, имеющегося только в немецком переводе Боденштедта. Сегодня помещаем перевод другого такого же стихотворения [Северный, 1896б].

В современном Полном собрании сочинений Лермонтова опубликованы три стихотворения, сохранившиеся только в немецких переводах Боденштедта. Но И. Северный оставляет без внимания сочинение «Kleine Einfälle und Ausfälle» отчасти и потому, что его жанр и объем в 107 строф не был удобен для обнародования в периодике.

Известно, что стихотворение «Kleine Betrachtungen» было записано Лермонтовым в альбом своего друга, офицера Бибикова, но не сохранилось. Ф. Боденштедт выполнил его вольный перевод по памяти [Лермонтовская энциклопедия, 1981, с. 59]. Стихотворение «Моим врагам» у И. Северного значительно короче первоисточника, из 26 строф остаются 16. Содержание также передано достаточно вольно, за основу перевода взяты некоторые фразы из оригинала, в остальном переводчик свободно интерпретирует идеи стихотворения. Это отражено и в заглавии перевода: «Короткие замечания» Лермонтова (Боденштедта) становятся у Северного посвящением-посланием «врагам», что задает более резкий тон, акцентирует байроническое самопозиционирование лирического Я, высвечивая типично лермонтовские черты романтической поэтики, понятные и созвучные ожиданиям сибирского читателя.

Моим врагам. Из М. Ю. Лермонтова

Нет, не изменник я стране своей родной,
Своих отцов достоин я вполне,
Но раболепие и лесть противны мне:
Я горд душой!
Чужим умом я не живу, как вы, —
На костылях чужих ходить я не желаю
И, не боясь людской молвы,
Всю вашу злобу презираю.
За то, что я всегда иду вперед
И не убил в себе частицу Бога,
Вы подставляете исподтишка мне ногу
И утверждаете, что я не патриот...
О, жалкие шуты! Бессильна ваша злоба:
Я не боюсь людей пристрастного суда.
И гордый тем дойду до гроба,
Что пошлым не был никогда!
[Северный, 1896а]

Kleine Betrachtungen

Короткие замечания

Ich bin an meinem Lande kein Verräther,
Und nicht unwürdig bin ich meiner Väter,
Weil ich nicht euch in allen Stücken
gleiche,

Я своей стране не изменник
И не недостоин я своих отцов,
Оттого что я не во всем похож на вас

Und nicht wie ihr auf fremden Krücken schleiche!	И не живу, как вы, чужим умом!
Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin, Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten, Und mich nicht lockt der Glanz von Bajonetten: Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!	Поскольку я часто краснею от стыда за ваши поступки, Для меня звон цепей не звучит, как музыка, И меня не привлекает блеск штыков: Вы утверждаете, что я не патриот!
Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrot bin, Und nicht mit jedem Schritte rückwärts gehe: Behaupten sie, das sich kein Patriot bin, Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe!	Поскольку я совсем не старой закалки И каждым шагом не иду назад: Вы утверждаете, что я не патриот, Свою страну не люблю и ее не понимаю!
Sie haben Recht, – der Teufel mag's verstehen – Am schnellsten geh'n bei uns, die rückwärts gehen, Weil schneller sie zu ihrem Ziele kommen, Als ich der vorwärts seinen Weg genommen!	Вы правы – черт тому свидетель, – Быстрее всего у нас идут те, кто идет назад, Поскольку они быстрее приходят к своим целям, Чем я, который начал свой путь вперед!
Gott segnete mit Augen mich und Füßen – Doch als ich auf den Füßen gehen wollte, Und als ich mit den Augen sehen wollte, Musst ich's im Kerker als Verbrecher büßen.	Бог наделил меня глазами и ногами – Однако когда я хотел идти И когда хотел смотреть, Я должен был в тюрьме, как преступник, каяться.
Gott gab mir eine Zunge, aber als Ich reden wollte, ging's mir an den Hals!	Бог дал мне язык, но когда Я захотел говорить, мне встали поперек горла!
Es ist ein eigen Ding in meinem Land, Und wundersamer Brauch im Schwunge hier: Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand Zum Schweigen seine Zunge hier! [Лермонтов, 2000, с. 247–248]	Есть одна вещь в моей стране И этот диковинный обычай здесь процветает: Умному нужен рассудок, чтоб быть глупым, Чтоб молчать – нужен ему здесь язык! (Подстрочник наш. – Ю. С.)

Наряду с романтизацией, усилением лирико-драматического начала в перевод Северного адекватно инкорпорируются философско-религиозные элементы («И не убил в себе частицу Бога»), а также и маскаратно-театральный мотив («О, жалкие шуты!»), – очевидно, типичные с позиции автора лермонтовские аллюзии. В то же время И. Северный сглаживает категоричность самопозиционирования Я, противопоставления себя врагам: в его тексте враждебность общества выражается не напрямую (например, «Но раболепие и лесь противны мне»),

но сквозь призму проекции на оппонентов, «я» заменяется на «Вы» («Вы подставляете исподтишка мне ногу»). Лермонтов и вслед за ним Боденштедт используют поэтические метафоры, непосредственно исходящие от лирического Я, ср.: «Поскольку я... краснею за ваши поступки»; «Поскольку я совсем не старой закалки»; «Чем я, который начал свой путь вперед» и т. д. Скрытая бескомпромиссность, непримиримость лермонтовского обращения обнажается сибирским автором в заглавии, но скрывается на уровне риторики, поскольку и само лирическое Я в тексте связывается у читателя этой дважды опосредованной интерпретации с Лермонтовым, а в переводе не может воспроизводиться дословно.

Однако заключительные строки русского текста оказываются значительно трансформированными во вполне определенном ключе: «замечания» (*Betrachtungen*) Лермонтова/Боденштедта переводятся в гораздо более экспрессивно нагруженный регистр. Философски осмысленный парадокс оригинала о «золоте молчания» в кругу неприятелей («Умному нужен рассудок чтоб быть глупым, / Чтоб молчать – нужен ему здесь язык!») замещается штурмерской картиной непримиримых чувств: «бессилие злобы» и отсутствие «боязни» контрастирует с «гордостью до гроба» и двойным отрицанием «не был пошлым никогда».

Наконец, Северный переносит политически окрашенный конфликт стихотворения, противостояние либерально настроенного патриота ретрограднему окружению в своей стране, в личностное русло. Рефлексирующий герой Лермонтова/Боденштедта лишается способности к обобщению. Исключен рефрен «Бог дал / даровал мне»; исчезают и политически окрашенные образы несвободы («звон цепей» и «блеск штыков»), что могло быть связано, скорее всего, с цензурными соображениями переводчика, особенностями местных реалий.

Ранее к немецким переводам стихотворений Лермонтова обращался русский поэт и переводчик Дмитрий Минаев. Его переводы были опубликованы в «Историческом вестнике» в 1883 г. [Лермонтов, 2000, с. 368]. При переводе Д. Минаев объединил два стихотворения «*Kleine Betrachtungen*» и «*Kleine Einfälle und Ausfälle*» в одно, озаглавленное им «Мелочи и отрывки». Следует отметить, что в своем варианте Д. Минаев мастерски воспроизводит образность перевода Боденштедта: сохраняет метафоры цепей и штыков («Что звон цепей мне слуха не ласкает, / Что блеск штыков меня не привлекает»), стремления двигаться вперед в отличие от окружающих («Кровь у меня кипит, и я стремлюсь вперед»; «Тот у нас идет быстрее, кто всегда назад ползет»). С точностью отражены последние строки стихотворения и сохраняются фразеологизмы («На костылях чужих, как вы, не ковыляю»; «Тут сам бес собьется с толку»).

Минаев более точно следует оригиналу, а И. Северный, которому вряд ли не были известны публикации переводов в центральной печати, намеренно представляет свою вариацию стихотворения Лермонтова/Боденштедта, особенности которой отражают характерные черты местного представления об отечественной словесной культуре.

Второй перевод из Лермонтова / Боденштедта выполнен в сходной с первым манере, что выражено уже на уровне заглавия, представляющего не просто вектор «Наружу» («Hinaus»), но эмфатически заряженную интенцию лирического Я («На Волю!»).

На Волю! Из М. Ю. Лермонтова

Гром дико грохочет
И дождик шумит;
Под кровлею каждый
Укрыться спешит.

Мне кровли не нужно:
 Нужна мне свобода!
 Что значат мне громы?
 Что значит погода?
 Не лучше ль на воле
 В грозу умереть,
 Чем в душной неволе
 Под кровлей сидеть!
 [Северный, 1896б]

Hinaus

Wild heulen die Donner,
 Laut prasselt der Regen,
 Bang' fliehen die Menschen
 Von Äckern und Wegen -
 Sie suchen nach Obdach
 Im schützenden Haus; -
 Ich möchte hinaus,
 Aus dem schützenden Haus!
 Ich möchte hinaus,
 Und lieber verkommen
 In Stürmen und Blitzen,
 Im Wetter und Graus,
 Als länger hier sitzen
 Im schützenden Haus -
 Ich möchte hinaus!
 [Lermontoff's Nachlass, 1852, S. 283]

Наружу

Дико ревут громы,
 Громко барабанит дождь,
 Боязливо бегут люди
 С полей и дорог -
 Они ищут укрытия
 В надежном доме; -
 Я хотел бы наружу,
 Из надежного дома!
 Я хотел бы наружу,
 И лучше сгинуть
 В бурях и молниях,
 В грозу и ужас,
 Чем и дальше сидеть тут
 В надежном доме -
 Я хотел бы наружу!
 (Подстрочник наш. – Ю. С.)

С помощью классического для романтизма приема параллелизма в немецком стихотворении Лермонтова/Боденштедта скрывается метафора обывательства и пассивности, желание человека спрятаться от потрясений в стенах дома становится знаком душевной слабости, на ее фоне ярче проступает отчаянный порыв лирического Я, которое делает свой выбор в пользу «бури и молний». Мирное свободолюбие героя в переводе обращается в узнический сюжет: дом сменяется «кровлей» («душной неволей»), гроза выступает синонимом свободы. Северный вновь концентрирует сюжет на единственной лирико-драматической линии внутреннего романтического конфликта, происходящего в зоне фронта между Я и миром, поэтому из стихотворения в его варианте исчезают «люди», «дом» и «дороги»; нивелируются важные для поэтики оригинала рефрены («Im schützenden Haus, Ich möchte hinaus»), усиливающие антитезу. Зато появляются знакомые читателю интимизирующие приемы: уменьшительно-ласкательные суффиксы («дождик»), риторические вопросы («Что значат мне громы? / Что значит погода?»). Таким образом, сибирский автор обнажает, заостряет конфликт стихотворения, облакая его в более понятную и близкую реципиенту поэтику, сходную с чувствительным романтизмом, с одной стороны, и с потенциально приятным читателю городским романсом – с другой.

Интересно, что Д. Минаев в данном случае, как и И. Северный, акцентировал тему узничества и ввел образ узника:

Я из-под затвора
 Рвусь на воздух вольный.

Жадно рвусь на волю
И за гнет суровый
Проклинаю долю
Узника, готовый,
Как былинка, сгинуть...
[Лермонтов, 2000, с. 327]

Боденштедт подчеркивал, говоря о своих переводах из Лермонтова, что ни один из двух известных методов («die wortgetreute und die frei nachbildende» – ‘ни дословный, ни свободный’) не использовался им при переводе поэзии Лермонтова, однако выбранный им способ передачи все же оказывается несравнимо более точным и верным подлиннику:

Beträufend auf die hohe Ausbildung, den Reichthum und die Biegsamkeit der deutschen Sprache, steckte ich mir das Ziel, die ganze Farbenfrische des Originals wiederzugeben, ohne in den metrischen Vorbildern das Geringste zu ändern, ohne ein Bild oder einen Gedanken zu verwischen, und vor Allem: ohne das Maß des Schönen zu überschreiten [Lermontoff's Nachlass, 1852, S. 23].

Владея хорошим образованием, богатством и гибкостью немецкого языка, я поставил себе цель передать всю красочность оригиналов, нисколько не изменяя метрический эталон, не сглаживая ни одной мысли и, прежде всего, не нарушая полноты прекрасного.

Стратегия переводов И. Северного отличается от стремления немецкого переводчика. Сибирский автор вольно трансформирует мотивы и поэтику, что было свойственно его манере вообще. И. Северный известен своими подражаниями поэзии Г. Гейне, на основе которых он, вдохновленный все теми же сентиментально-романтическими мотивами, создал оригинальные вариации, подобные вышеприведенным (см. [Серягина, 2016a]).

В послесловии ко второму тому переводов из Лермонтова Боденштедт предлагает читателю биографию поэта в совокупности с критикой его наследия, а также описывает обстоятельства и впечатления от личных встреч. По мнению переводчика, произведения Лермонтова во многом автобиографичны и передают личные настроения:

...Da seine eigene geistige Persönlichkeit den Hauptinhalt seiner poetischen Schöpfungen bildet, und mit wenigen Ausnahmen auch da, wo er fremde Personen und Zustände schildert, sein eigenes Denken und Empfinden überall leicht erkennbar ist [Lermontoff's Nachlass, 1852, S. 320].

Так как его собственная духовная личность составляет основное содержание его поэтических творений, и за незначительными исключениями, где он описывает других людей или обстоятельства, легко узнаваемо его собственное мышление и восприятие.

По сути, то же личностное начало привносит в свои интерпретации и Северный, очевидно знакомый не только с переданными Боденштедтом стихотворениями, но и с их контекстом, поэтому переводы И. Северного нельзя считать неудачными. Для сибирских авторов точка зрения Боденштедта стала предметом живого интереса, поскольку она, очевидно, позволяла осмыслить стороннюю позицию, иной, внешний взгляд на отечественную классику, не зависимый от имперского центра русской культурной политики. Во-вторых, подобные публикации представляли уникальный материал, требующий введения в горизонт знания местного читателя из просветительских соображений.

Позднее, в 1905 г., в № 145 «Сибирского вестника» публикуются два стихотворения под заглавием «Из Фридриха Боденштедта (Перевод с немецкого)» в переводе известного сибирского общественного деятеля, поэта и переводчика Георгий Вяткина [Вяткин, 1905]. Ф. Боденштедт на русский язык переводился крайне редко, наибольшим успехом у переводчиков пользовались его «Песни Мирзы Шафи» [Боденштедт, 1880; 1903], отдельных же сборников его оригинальной поэзии в России не выходило. Тем более значимыми представляются прецеденты сибирской рецепции его стихотворений.

Как известно, Г. Вяткин являлся значимой фигурой в литературной жизни Сибири рубежа XIX–XX вв. На момент выхода рассматриваемых переводов ему было только 20 лет, но он уже публиковался во многих сибирских газетах, переводил с английского, немецкого, французского, норвежского и других языков. Современники называли его «лириком чистой воды», его поэзия отличалась глубокой музыкальностью и живописностью, но преимущественно это была гражданская лирика, пронизанная «огнем живых исканий» [Жуков, 2002, с. 2]. Выбор для перевода сочинений Боденштедта не стал исключением.

В многочисленных сборниках оригинального творчества Ф. Боденштедта не находится поэтических образцов, которые могли бы послужить материалом для переводов Вяткина. Исходя из исследований переводного творчества сибирского поэта, можно сделать вывод о принадлежности опубликованных произведений к категории псевдопереводов – оригинальных произведений, приписываемых другому автору. Псевдопереводы были частым явлением в сибирской периодике того времени [Серягина, 20166].

Оба стихотворения публикуются без названий, под цифрами I и II.

Из Фридриха Боденштедта (Перевод с немецкого)

I

Озаренный сияньем грядущего дня,
Светлой радости светлый певец, –
Я приду, я приду на могилу твою
Одинокó угасший боец...
Я приду... и подгнивший, погнувшийся крест,
Утонувший в грязи и пыли,
Я украшу венком из прекрасных цветов,
Из цветов обновленной земли...
Те цветы расцветут, как улыбка весны,
Краше солнца и ярче огня,
Средь родимых полей, на янтарной заре,
На заре лучезарного дня.

II

Грядущее – наше!
О, братья! В великой борьбе
Не бойтесь страдания горестной чаши...
И будьте упрямы, и верьте себе:
Грядущее – наше!

Мы – дети труда.
Мы в полночь на свет появились.
Как листья под бурей, по свету носились
И спутницей вечной была нам нужда:
Мы – дети труда.

Мы любим борьбу.
Наш дух закаляют печали.
Мы гордо стремимся к сияющей дали.
На смертную битву зовем мы судьбу:
Мы любим борьбу.

– Да здравствует свет! –
Сказали мы гордо и смело,
И ринулись в битву за правое дело,
За дело, честнее которого нет:
Да здравствует свет!

Грядущее – наше!
В дали уже сверкает оно,
Сиянья и блеска и света полно,
Весны благодатной светлее и краше...
– О, братья! Грядущее – наше!
[Вяткин, 1905]

Стихотворения объединены общими мотивами: обновления, светлого будущего, борьбы за счастье. В первом из них лирический герой обращается к некоему погибшему поэту, борцу, обещая прийти к его могиле и облагородить ее. Образ покосившегося креста отражает старое и отжившее, а образы цветов из «обновленной земли, зари лучезарного дня» символизируют искомое светлое будущее, на которое мог надеяться «одиноким угасший боец» и которое настигнет его лишь после смерти. Второе стихотворение менее лирично, оно ближе к немецкой политической поэзии второй половины XIX в., насыщено лозунгами и призывами («Грядущее – наше!»; «О, братья!»; «Мы – дети труда, / Да здравствует свет!»), которые начинают и завершают каждое четверостишие.

Псевдопереводы выполнены в 1905 г., в период волнений в Томске, связанных с началом первой русской революции. Г. Вяткин контаминирует приведенные стихотворения, выражая идеи и стремления современного общества, мечты о светлом будущем, о процветании, о честной борьбе за свою судьбу – все то, что волновало поэта-областника и его единомышленников.

В целом восприятие Боденштедта в сибирской дореволюционной периодике представляло читателю достаточно полную картину его наследия и художественного метода: он представал как поэт, ориенталист, переводчик русской литературы. Однако важнейшее значение посредничества Боденштедта заключается в том, что оно позволило сибирским поэтам напрямую обратиться к русской классике, интерпретировать лермонтовские стихотворения, переданные немецким автором, и таким образом выразить собственную идейно-эстетическую индивидуальность, запечатлев характерные черты искомого на рубеже веков регионального культурного самосознания.

Список литературы

Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: Концептосфера русского ориентализма: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 39 с.

Боденштедт Ф. Песни Мирзы Шафи, с прологом Фридриха Боденштедта / Пер. Н. И. Эйферт. М., 1880. 122 с.

Боденштедт Ф. Песни Мирзы-Шафи. 160-е изд. / Пер. с нем. И. С. Продан. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1903. 52 с.

- Боденштедт Ф.* По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. М., 2002.
- Брокгауз и Ефрон – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 4. 488 с.
- Вяткин Г.* Из Фридриха Боденштедта // Сибирский вестник. 1905. № 45. С. 2.
- Жуков В.* Георгий Андреевич Вяткин, кто он? // Класс. 2002. № 10, май. С. 2.
- Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Воскресенье, 2000. Т. 2. 409 с.
- Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энцикл., 1981. 784 с.
- Никонова Н. Е., Серягина Ю. С.* Поэзия Н. Ленау на страницах томской периодики начала XX в.: резонансы переводческого восприятия // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2015. № 6. С. 196–200.
- Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия / В. Н. Горенинцев, Н. Е. Никонова, Д. А. Олицкая и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 252 с.
- Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия / Н. Е. Никонова, Ю. С. Серягина, Д. А. Олицкая и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 204 с.
- Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия / Н. Е. Никонова, Д. А. Олицкая, В. Н. Горенинцев и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 280 с.
- Северный И.* Моим врагам // Сибирский вестник. 1896а. № 71. С. 2.
- Северный И.* На волю // Сибирский вестник. 1896б. № 76. С. 2.
- Серягина Ю. С.* Переводы из Генриха Гейне на страницах сибирской периодики рубежа XIX–XX веков // Русская литература в современном культурном пространстве: Сб. ст. по материалам VII Всерос. науч. конф. (30–31 октября 2015 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016а. С. 195–203.
- Серягина Ю. С.* Псевдопереводы произведений Г. Гейне на страницах сибирской периодики рубежа XIX–XX веков // Иностранный язык и межкультурная коммуникация: Материалы X Междунар. студ. науч.-практ. конф. Томск: Вайар: ТМЛ-Пресс, 2016б. С. 59–67.
- Томан И. Б.* Переводчик И. С. Тургенева Фридрих Боденштедт // Тургеневские чтения (11–13 ноября 1998 г.). М.: Гос. литературный музей, 1998.
- Черневич П.* Тайны взгляда // Сибирский вестник. 1896. № 4. С. 2.
- Щеголев П. Е.* Лермонтов: воспоминания, письма, дневники. М.: Директ-Медиа, 2016. 871 с.
- Ammann L.* Östliche Spiegel. Ansichten vom Orient im Zeitalter seiner Entdeckung durch den deutschen Leser, 1800–1850. Hildesheim; Zürich; N. Y.: Georg Olms Verl., 1989. 178 S.
- Balke D.* Orient und orientalische Literaturen // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte / W. Kohlschmidt, W. Mohr (Hrsg.). Berlin, 1965. Bd 2. S. 816–869.
- Bayram A.* Fridrix Bodenstedtin Mirza Safi Vazeh haqqinda xatiralari. Baki: Nurlan, 2008.
- Bodenstedt F.* Die poetische Ukraine: Eine sammlung kleinrussischer Volkslieder. Stuttgart; Tübingen, 1845.
- Bodenstedt F.* Shakspear's Zeitgenossen und ihre Werke. Berlin: Verl. der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1860. 373 S.
- Bodenstedt F.* William Shakespeare's Sonette. Berlin: Verl. der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1862. 248 S.
- Bodenstedt F.* Gesammelte Schriften: Russische Dichter. Berlin, 1866.
- Bodenstedt F.* Die Lieder des Mirza-Schaffy. Berlin: Verl. der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1873. 224 S.
- Bodenstedt F.* Der Sänger von Schiras: Hafisische Lieder. Berlin, 1880.

Bodenstedt F. A. Puschkin's poetische Werke. Berlin, 1854.
 Lermontoff's Nachlass, 1852 – Michail Lermontoff's poetischer Nachlass. 2. Bd.
 Berlin: Verl. der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1852. 354 S.
Schenk G. Friedrich von Bodenstedt, ein Dichterleben in seinen Briefen (1850–1892). Berlin: G. Schenck, 1893. 249 S.

Yu. S. Serjagina

*National Research Tomsk State University
 Tomsk, Russian Federation
 seriagina@gmail.com*

**Siberian prerevolutionary periodicals as the context for the cultural transfer:
 translations of the Lermontov's poems from German
 and reception of the F. Bodenstedt's heritage**

Nowadays, the verbal culture of Siberian region in its historical development is actively studied by the researchers at Tomsk State University as well as at other universities of Siberia and Russia. The important part of this study is investigating the reception of the foreign literature in the Siberian periodicals at the turn of XIX–XX centuries. At that time, a lot of original literary translations from German, English, French and other languages appeared on the pages of periodicals. The paper is devoted to the reception of the work of Fridrich Bodenstedt (1819–1892), a well-known poet and popularizer of Russian literature in Germany. The main object of this paper is a literary and contrastive analysis of the reverse translations of Lermontov's poems from German, created in the Siberian and Moscow cultural environments. Also, the author aims at identifying the reception strategies of the Siberian authors when dealing with F. Bodenshtedt's heritage (a poet, translator, and orientalist).

The research material includes four publications from one of the largest daily newspapers in Tomsk – «Siberian Bulletin» (1885–1905). The first publication is the article about the meaning of eye color, written by a Siberian translator and essay writer P. Chernevich, where F. Bodenstedt is mentioned as an orientalist and translator of Mirza Shafi works from Azerbaijani. Also, the author studies two noteworthy poems of Lermontov preserved only in German in the translation of Bodenstedt, published in the Siberian periodicals as well. The well-known Siberian translator Ivan Severnyy published his own translations of the Lermontov's poems from German. The reception of the original work of Bodenstedt as a poet is expressed only by one pseudo-translation created by the Siberian author Georgiy Vyatkin, reflecting his own style of translator rather than the original heritage of the German poet. The Vyatkin's poem is written in the genre of civil lyrics that was not typical for the poetry of Bodenstedt. The paper ends with conclusions about a complete picture of reception of Bodenstedt's work in the Siberian periodicals, representing him as a poet, a translator from Russian and Azerbaijani, and as a researcher of Russian and Orient culture.

Keywords: M. Yu. Lermontov, F. Bodenstedt, Siberian prerevolutionary periodicals, reception, translation.

DOI 10.17223/18137083/60/5

References

- Alekseev P. V. *Vostok i vostochnyy tekst russkoy literatury pervoy poloviny XIX veka: Kontseptosfera russkogo orientalizma* [The Orient and the orient texts of Russian literature in the first half of 19th century]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Tomsk, 2015, 39 p.
- Ammann L. *Östliche Spiegel. Ansichten vom Orient im Zeitalter seiner Entdeckung durch den deutschen Leser, 1800–1850*. Hildesheim, Zürich, N. Y., Georg Olms Verl., 1989, 178 p.
- Balke D. Orient und orientalische Literaturen. In: W. Kohlschmidt, W. Mohr (Hrsg.). *Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte*. Bd 2. Berlin, 1965, pp. 816–869.
- Bayram A. *Fridrix Bodenstedtin Mirza Safi Vazeh haqqinda xatiralari*. Baki, Nurlan, 2008.
- Bodenstedt F. A. *Puschkin's poetische Werke*. Berlin, 1854.
- Bodenstedt F. *Die poetische Ukraine: eine sammlung kleinrussischer Volkslieder*. Stuttgart, Tübingen, 1845.

- Bodenstedt F. *Die Lieder des Mirza-Schaffy*. Berlin, Verl. der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1873, 224 p.
- Bodenstedt F. *Der Sänger von Schiras: Hafisische Lieder*. Berlin, 1880.
- Bodenstedt F. *Gesammelte Schriften: Russische Dichter*. Berlin, 1866.
- Bodenstedt F. *Pesni Mirzy Shafi s prologom Fridrikha Bodenshteda*. Per. N. I. Eyfert. [Songs of Mirza Shafi with preface of Friedrich Bodenstedt. Transl. by N. I. Eyfert]. Moscow, 1880, 122 p.
- Bodenstedt F. *Pesni Mirzy-Shafi. 160-e izd.* Per. s nem. I. S. Prodan [Songs of Mirza Shafi. 160th edition. Transl. from German by I. S. Prodan]. Yur'ev, Tipografiya K. Matissena, 1903, 52 p.
- Bodenstedt F. *Po Bol'shoy i Maloy Abkhazii. O Cherkessii* [Across the big and small Abkhazia. About Cherkessiya]. Moscow, 2002.
- Bodenstedt F. *Shakspear's Zeitgenossen und ihre Werke*. Berlin, Verl. der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1860, 373 p.
- Bodenstedt F. *William Shakespeare's Sonette*. Berlin, Verl. der Königlichen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei (R. Decker), 1862, 248 p.
- Chernevich P. *Tayny vzglyada* [Secrets of a glance]. *Sibirskiy vestnik*. 1896, no. 4, p. 2.
- Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. T. 4* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 4]. St. Petersburg, 1891, 488 p.
- Gorenintseva V. N., Nikonova N. E., Olitskaya D. A., Rodchenko Ju. I., Ablogina E. V., Pavlova M. V. *Perevody angliyskoy i amerikanskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri: Khrestomatiya* [Translation of English and American literature in prerevolutionary periodicals of Siberia. Anthology]. Tomsk, Izd. TSU, 2016, 252 p.
- Michail Lermontoff's poetischer Nachlass*. 2. Bd. Berlin, Verl. der Deckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1852, 354 p.
- Lermontov M. Yu. *Polnoe sobranie sochineniy: V 10 t. T. 2* [Complete set of works: in 10 vols. Vol. 2]. Moscow, Voskresen'e, 2000, 409 p.
- Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov's Encyclopedia]. V. A. Manuylov (Ed.). Moscow, Sovetskaya ensiklopediya, 1981, 784 p.
- Nikonova N. E., Olitskaya D. A., Gorenintseva V. N., Rodchenko Yu. I., Ablogina E. V., Pavlova M. V. *Perevody frantsuzskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri: Khrestomatiya* [Translation of French literature in prerevolutionary periodicals of Siberia. Anthology]. Tomsk, Izd. TSU, 2016, 280 p.
- Nikonova N. E., Seryagina Yu. S., Olitskaya D. A., Gorenintseva V. N., Rodchenko Yu. I., Ablogina E. V., Pavlova M. V. *Perevody nemetskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri: Khrestomatiya* [Translation of German literature in prerevolutionary periodicals of Siberia. Anthology]. Tomsk, Izd. TSU, 2016, 204 p.
- Nikonova N. E., Seryagina Yu. S. *Poeziya N. Lenau na stranitsakh tomskoy periodiki nachala XX v.: rezonansy perevodcheskogo vospriyatiya* [Poetry of N. Lenau on the pages of Tomsk periodicals the early 20th century]. *Scientific notes of Orel State University*. 2015, no. 6, pp. 196–200.
- Seryagina Yu. S. *Perevody iz Genrikha Geyne na stranitsakh sibirskoy periodiki rubezha XIX–XX vekov* [Translations from Heinrich Heine on the pages of Siberian periodicals of the turn of 19–20th centuries]. In: *Russian literature in the modern cultural space: collection of articles adapted from VII National science conf. (30–31 Oktober 2015)*. Tomsk, Izd. TSPU, 2016a, pp. 195–203.
- Seryagina Yu. S. *Pseudoperevody proizvedeniy G. Geyne na stranitsakh sibirskoy periodiki rubezha XIX–XX vekov* [Pseudo-translations of the Heinrich Heine's works of the turn of 19–20th centuries]. In: *Foreign language and multicultural co'mmunication: adapted from 10th international students science conference*. Tomsk, Vayar; TML-Press, 2016, pp. 59–67.
- Severnny I. *Moim vragam* [To my enemies]. *Sibirskiy vestnik*. 1896a, no. 71, p. 2.
- Severnny I. *Na volyu* [Into the wild]. *Sibirskiy vestnik*. 1896b, no. 76, p. 2.
- Shchegolev P. E. *Lermontov: vospominaniya, pis'ma, dnevniki* [Lermontov – memoirs, letters, diary]. Moscow, Direkt-Media, 2016, 871 p.
- Schenk G. *Friedrich von Bodenstedt, ein Dichterleben in seinen Briefen (1850–1892)*. Berlin, G. Schenck, 1893, 249 p.
- Toman I. B. *Perevodchik I. S. Turgeneva Fridrikh Bodenshtedt* [I. S. Turgenev's translator – Friedrich Bodenstedt]. *Turgenevskie chteniya (11–13 November 1998)*. Moscow, Gos. literaturny muzey, 1998.
- Vyatkin G. *Iz Fridrikha Bodenshteda* [From Friedrich Bodenshtedt]. *Sibirskiy vestnik*. 1905, no. 45, p. 2.
- Zhukov V. *Georgiy Andreevich Vyatkin, kto on?* [Georgiy Andreevich Vyatkin, who is he?]. *Klass*. 2002, no. 10, p. 2.